

М.В. Гаврилов, А.Т. Юнусов

ТЕОРИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Т.М. СКЭНЛОНА И ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОЙ УДАЧИ*

Гаврилов Максим Викторович – аспирант философского факультета. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; ассистент кафедры гуманитарных наук Института социальных наук. добавить ФГАОУ ВО – ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет). Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет). Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2; e-mail: mrcapy@yandex.ru

Юнусов Артем Тимурович – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; добавить аффилиацию после первого адреса: научный сотрудник. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: forty-two@mail.ru

Томас Майкл Скэнлон – один из наиболее заметных моральных философов современности. Его теория моральной ответственности является одной из наиболее влиятельных в современной аналитической этике. В настоящей статье мы рассматриваем основные отличительные черты этой теории и подробно касаемся одной из проблем, с которой эта теория сталкивается – случаями моральной удачи. На наш взгляд, в рамках теории ответственности скэнлонианского типа возможны более правдоподобные (хотя и не бесспорные) подходы к решению проблемы моральной удачи, чем предлагает сам Скэнлон. Вопреки утверждениям Скэнлона, его теории, в том виде, в каком он сам ее отстаивает, как кажется, не удастся решить эту проблему. Впрочем, едва ли это можно считать решающим аргументом против его теории, учитывая, что другие современные неревизионистские теории моральной ответственности, похоже, справляются с этой проблемой не лучше.

Ключевые слова: Т.М. Скэнлон, этика, моральная ответственность, осуждение, моральная удача, нормативные установки

Для цитирования: *Гаврилов М.В., Юнусов А.Т.* Теория ответственности Т.М. Скэнлона и проблема моральной удачи // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 3. С. 178–194.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект No. 21-78-10044 «Феномен моральной ответственности», <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>.

1. Две формы ответственности

Теория моральной ответственности (далее – МО) американского морального философа Т.М. Скэнлона является одной из наиболее авторитетных теорий ответственности в современной аналитической этике. Его размышления оказали влияние на многих известных теоретиков в этой области, и в том числе на тех из них, кому он непосредственно преподавал философию: от его критиков Джея Уоллеса и Гари Уотсона, создавших совершенно отличные от его собственной теории МО, но признающих при этом важным для становления их взглядов общение со Скэнлоном, до его сторонников Анджелы Смит и Памелы Иероними, чьи теории во многом близки построениям самого Скэнлона.

В статье из недавнего «Оксфордского руководства по моральной ответственности» взгляды Смит, Иероними, Скэнлона и автора статьи Мэттью Талберта в отношении условий МО объединяются под названием «атрибутивизм»¹. Талберт формулирует позицию атрибутивистов следующим образом: «Оценки моральной ответственности в основном связаны и должны быть связаны с тем, какие морально значимые черты поведения агента в отношении других людей могут быть приписаны ему, а агент является подходящим кандидатом для моральной похвалы или осуждения исключительно на основе этого приписывания»².

В рамках своей теории Скэнлон выделяет две формы ответственности: *ответственность моральной реакции* (moral reaction responsibility)³ и *содержательную ответственность* (substantive responsibility). Они различаются условиями, которые требуются для их возложения и разным набором моральных последствий, следующих за этим возложением. Ответственность моральной реакции предполагает положительные или отрицательные моральные реакции, например, осуждение (blame) и благодарность. В данной статье речь пойдет именно об этом, наиболее релевантном для современных дискуссий⁴ виде ответственности, и о находящейся в ее сердце

¹ О том, почему можно усомниться в том, что Скэнлон является чистым атрибутивистом см. ниже разд. 5.

² Talbert M. Attributionist Theories of Moral Responsibility // The Oxford Handbook of Moral Responsibility. Oxford, 2022. P. 54.

³ Как справедливо указал нам анонимный рецензент статьи, по-русски выражение «ответственность моральной реакции» звучит двусмысленно и, в частности, может естественным образом восприниматься в смысле «ответственность, возлагаемая за моральную реакцию», что вводило бы читателя в заблуждение. Во избежание этого мы специально указываем в этом примечании, что это выражение следует понимать в смысле «ответственность, делающая уместной моральную реакцию (такую, как похвала или осуждение)».

⁴ Содержательная ответственность Скэнлона редко встречается в статьях и дискуссиях о моральной ответственности ввиду ее связующей роли с его общими моральными представлениями, фундированными в разработанной им теории контрактуализма. Коротко говоря, это ответственность за обязательства, которые мы берем на себя в определенных ситуациях путем совершения (или несоблюдения) определенных действий – например, давая обещание или отказываясь от сделанного нам предложения. Следовательно, эта форма ответственности в качестве моральных последствий подразумевает «изменение обязанностей человека в отношении других людей и их обязанностей в его отношении» (Скэнлон Т.М. Формы и условия ответственности // Философия и общество. 2022. № 4. С. 95). Для этого типа ответственности, в отличие от ответственности моральной реакции, важна возможность осознанного выбора: агента можно считать ответственным в смысле содержательной ответственности, только если он осознанно решил взять

скэнлоновской интерпретации феномена осуждения. Скэнлон, следуя традиции, характерной для подобных теорий, в большей степени фокусируется на негативных моральных реакциях. Мы в данной статье также позволим себе для простоты говорить об «осуждении» как о моральной реакции *par excellence* и часто использовать выражения «несет моральную ответственность» и «заслуживает осуждения» как взаимозаменяемые. Сам Скэнлон, однако, подчеркивает, что понимает условие ответственности моральной реакции в нейтральном смысле, имея в виду, что оно применимо как в случае положительных, так и в случае отрицательных моральных реакций, а также и в отношении морально нерелевантных действий.

2. Диапазон уместных моральных реакций

Перед тем как начать рассматривать условия ответственности моральной реакции, Скэнлону важно очертить границу реакций, которые будут уместны (*appropriate*) при возложении этого вида ответственности: «Моя общая методологическая позиция заключается в том, что исследования ответственности должны начинаться с определения конкретных моральных последствий, о которых идет речь, а затем дополняться моральным вопросом: что требуется для того, чтобы то, что человек сделал, или то, каков он, имело такого рода моральные последствия»⁵.

По Скэнлону, значительная доля разногласий между теоретиками МО в вопросах о том, будет ли уместно осуждать агента в определенной ситуации, связана с тем, что значение самого термина «осуждение» размыто, и спорящие могут употреблять его в разном смысле. Прогресса в обсуждении можно добиться, зафиксировав значение этого термина. Лучший способ сделать это как раз заключается в том, чтобы заранее четко указать на те моральные последствия, которые, с нашей точки зрения, должно подразумевать то, что мы будем называть «осуждением». Например, если осуждение в нашем понимании подразумевает, что осуждающий готов мстить осуждаемому агенту и целенаправленно наносить ему вред, то такое осуждение будет уместным и справедливым в одном ряде случаев; если же единственным моральным последствием того, что мы подразумеваем под осуждением, является лишь общая отрицательная оценка поведения осуждаемого, не сопровождающаяся никакими санкциями в его отношении, то такое осуждение, вероятно, будет оправданным в значительно более широком ряде случаев.

Те моральные последствия, которые делает уместными приписывание агенту МО в смысле осуждения или одобрения, Скэнлон называет мораль-

на себя некоторые обязательства, причем сделал это в ситуации, в которой ему были предоставлены надлежащие условия для выбора (а, например, не под давлением или будучи введенным в заблуждение относительно важных для этого выбора обстоятельств). Если же у человека не было надлежащих условий для выбора, то он не является ответственным в смысле содержательной ответственности, хотя может при этом быть ответственным в смысле ответственности моральной реакции (Там же. С. 124–125). Это, безусловно, важная часть общей теории ответственности Скэнлона, но она требует отдельного изложения и исследования, которые не входят в цели настоящей статьи (подробнее см., например: *Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Прологомены к моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 67–70.*)

⁵ *Scanlon T.M. Learning from Psychopaths // Oxford Studies in Agency and Responsibility. Vol. 5. Oxford, 2019. P. 127.*

ными реакциями на этого агента. В целом в своей теории осуждения Скэнлон во многом следует за Питером Стросоном, чья статья 1962 г. «Свобода и обида»⁶ заметно повлияла на дискуссии о МО в аналитической философии. В интерпретации Стросона возложение МО конституируется «реактивными установками» (reactive attitudes), которые у нас возникают в ответ на проявленную агентом в отношении нас или третьих лиц злую или добрую волю, злонамеренность или благожелательность⁷. Наиболее распространенная интерпретация этой статьи Стросона предполагает, что в его теории реактивные установки представляют собой моральные эмоции вроде негодования или благодарности⁸.

Скэнлон, соглашаясь с тем, что возложение МО осуществляется с помощью реактивных установок, изменяет сам набор этих установок. Помимо стросонианских моральных эмоций, Скэнлон включает в диапазон возможных уместных реактивных установок такие по своей сути неэмоциональные реакции, как: «1) отказ в доверии; 2) снижение готовности вступать с человеком в такие особые отношения, как дружба; 3) снижение готовности помогать человеку в реализации его планов», добавляя к ним 4) скорректированную установку, которую Стросон называет отказом от доброй воли: «Снижение склонности радоваться тому, что дела другого человека идут хорошо, и чувствовать грусть или сожаление, когда это не так»⁹.

В отличие от Стросона и его ортодоксальных последователей, которые рассматривают эмоции как центральную часть реактивных установок, Скэнлон считает центральной частью всякого осуждения ухудшение взаимоотношений между тем, кто осуждает, и тем, кого осуждают. Для него на самом фундаментальном уровне все реактивные установки, включая эмоции, представляют собой изменения в нашем отношении к агенту, на которого мы возлагаем ответственность¹⁰. Каждая из этих реакций – способ корректировки наших предыдущих установок в отношении агента, т.е. того, как мы прежде к нему относились¹¹. «Нормативные установки» (normative attitudes) осуждаемого, т.е. то, какими основаниями он руководствовался при совершении некоторого морально релевантного поступка, могут заставить нас пересмотреть наши взаимоотношения с ним, например, мы можем перестать считать этого человека своим другом, поскольку его поступки свидетельствуют о его безразличии к нам.

Расширяя сферу возможных уместных реактивных установок Стросона в одном отношении, Скэнлон в то же время в других отношениях ее сужает. А именно, он исключает из нее все установки, связанные с ретри-

⁶ Стросон П. Свобода и обида // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 204–221.

⁷ Подробнее о позиции Стросона см.: Беседин А.П. Натуралистический аргумент П. Стросона в пользу моральной ответственности // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2015. № 6. С. 8–16.

⁸ Стросон П. Свобода и обида. С. 208; см. критику Стросона в подобной интерпретации: Логинов Е.В. Стросон, ответственность и эмоции // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 3. С. 38–46.

⁹ Скэнлон Т.М. Формы и условия ответственности. С. 98.

¹⁰ Scanlon T.M. Interpreting Blame // Blame: Its Nature and Norms. Oxford, 2013. P. 98.

¹¹ Анджела Смит считает, что гибридный взгляд Скэнлона (как и другого известного теоретика моральной ответственности Джорджа Шера) на осуждение привлекателен тем, что, в отличие от других теорий осуждения, способен дать объединяющее обоснование (unifying rationale) разнообразным видам моральных реакций (Smith A.M. Blame and Holding Responsible // The Oxford Handbook of Moral Responsibility. Oxford, 2022. P. 275).

бутивизмом, т.е. представлением о том, что причинение страдания агенту, совершившему нечто дурное, является в той или иной мере чем-то хорошим само по себе (или по крайней мере не является чем-то дурным). Ретрибутивистские реакции, т.е. реакции, связанные с желанием причинить осуждаемому агенту страдания, с точки зрения Скэнлона, никогда не являются оправданными, тогда как Стросон полагал, что важной частью наших моральных реакций являются установки, связанные с готовностью «мирииться с причинением страдания нарушителю, которая является важной частью наказания»¹².

Неуместность ретрибутивных реакций осуждения, однако, не означает неуместности любых реакций, которые будут неприятны осуждаемому или вредны для него; это означает только неуместность негативного обращения, прямой целью которого является причинение вреда другому.

3. Условия моральной ответственности

Скэнлон замечает, что, если осуждение агента за дурной поступок никогда не подразумевает наказания, хотя и может подразумевать более умеренные формы неприятного агенту обращения с ним¹³, то вопрос о том, была ли у совершившего этот поступок свобода воли, становится значительно менее острым для решения вопроса о том, можем ли мы его осуждать. Таким образом, если мы понимаем тот диапазон моральных реакций, который стоит на кону при обсуждении вопроса об уместности осуждения, именно так (т.е. как полностью исключаящий ретрибутивистские установки и установки, связанные с наказанием), то это делает более привлекательной компатибилистскую позицию в вопросе о свободе воли¹⁴. Инкомпатибилистский тезис о том, что МО требует контракаузальной свободы воли¹⁵, является значительно более привлекательным в случае, если осуждение может подразумевать более «тяжелые» реакции, такие как причинение осуждаемому страданий, или если возможным моральным последствием является наказание в виде вечных мук ада (если осуждение понимается так, то мысль о том, что кого-то можно осудить подобным образом за поступок, который он совершил не по своей свободной воле (в более сильном смысле этого понятия), с высокой вероятностью покажется возмутительной). При условии, что все, о чем идет речь, – это осуждение в смысле изменения отношения к агенту, то куда легче становится согласиться с тем, что мы вправе осуждать людей за их дурные поступки подобным образом, вне зависимости от наличия у них свободной воли подобного типа¹⁶.

¹² Стросон П. Свобода и обида. С. 219.

¹³ Скэнлон Т.М. Основания для поступков. С. 250.

¹⁴ Там же. С. 249.

¹⁵ Сам Скэнлон здесь говорит просто о «свободе воли», но он явно должен иметь в виду именно «сильную», «либертарианскую», или «контракаузальную» свободу воли, т.е. свободу воли, обладая которой, агент способен будет нарушать детерминистические причинные цепи (в отличие от «компатибилистской» свободы, которая заключается просто в отсутствии внутреннего или внешнего принуждения и с наличием которой у агентов может согласиться в т.ч. сам Скэнлон).

¹⁶ Scanlon T. Moral Dimensions: Permissibility, Meaning, Blame. Cambridge (MA), 2008. P. 190.

Позиция самого Скэнлона состоит в том, что свобода или контроль над своими действиями сами по себе не являются условиями ответственности – т.е. условиями, которым агент или его действия должны удовлетворять, чтобы возложение на агента МО могло быть уместным¹⁷. Чтобы объяснить, почему это так, следует предварительно сказать о том, что, с точки зрения Скэнлона, является условием МО.

Начать говорить об этом следует с объяснения уже упоминавшегося выше понятия «нормативных установок», являющегося центральным для подхода Скэнлона. Сам Скэнлон говорит, что нормативные установки в отношении других людей – это то, «что человек рассматривает в качестве оснований для того, чтобы обращаться с другими людьми определенным образом»¹⁸. Несколько упрощая, можно сказать, что нормативные установки агента – это его некоторые достаточно устойчивые характеристики, которые отражают то, как он относится к другим агентам, какими основаниями (reasons) он при этом руководствуется, и, следовательно, то, каков он в моральном смысле.

Скэнлон полагает, что в конечном счете тем, за что агент может быть ответственным в «наиболее фундаментальном смысле», являются именно его нормативные установки. «Все прочие вещи, такие как действия или бездействия человека, могут быть основанием для реактивных установок [в отношении агента] только производным образом – в той мере, в какой они отражают нормативные установки этого человека»¹⁹.

Это приводит Скэнлона к позиции, согласно которой, по существу, единственным условием МО является то, что действие или бездействие агента должно отражать его нормативные установки. Если связь между нормативными установками агента и его действием нарушена, то его нельзя считать МО за это действие; если же связь имеет место и устойчива, то человек ответственен за такой поступок вне зависимости от прочих обстоятельств. In summa: агент ответственен только за те действия, которые отражают его нормативные установки.

Теперь мы можем вернуться к объяснению того, почему Скэнлон не считает контроль или свободу воли условиями МО. Условие контроля не является необходимым для возложения ответственности, поскольку во многих случаях, например, при импульсивных или бессознательных действиях агента, проявляющихся при отсутствии у агента контроля над собственным поведением, мы все равно будем готовы возложить на него ответственность, если эти действия отражают его нормативные установки. В частности, если ваш близкий друг забыл о вашем дне рождения, то с вашей стороны будет уместно его за это осудить, даже если у него в данном случае не было прямого контроля над своими действиями (или, точнее, своим бездействием) – просто потому, что его упущение, как полагает Скэнлон, отчасти отражает его нормативные установки по отношению к вам. Условие контроля оказывается релевантным для возложения МО лишь в той мере, в какой утрата контроля может нарушить связь действий агента с его нормативными установками, заставив его вести себя не так, как он вел бы себя обычно. Например, ваш друг из предыдущего примера не заслуживал бы осуждения, если бы его забывчивость была следствием повреждения головного мозга –

¹⁷ Скэнлон Т.М. Основания для поступков. С. 250.

¹⁸ Скэнлон Т.М. Формы и условия ответственности. С. 104.

¹⁹ Там же. С. 108.

просто потому, что в таком случае тот факт, что он забыл о вашем дне рождения, не отражал бы его невнимательность к вам. Но если связь между нормативными установками и действием сохраняется, то не важно, контролирует агент свое действие или же оно является бессознательным или, например, импульсивным.

4. Взаимоотношения, суждение о заслуженности осуждения и осуждение

Другой характерной чертой теории МО Скэнлона, существенно выделяющей ее на фоне других теорий, является тот факт, что он вводит в нее дополнительное измерение анализа феномена осуждения, связанное с тем, как отношения, в которых осуждаемый состоит с осуждающим, влияют на уместность осуждения.

Фактически Скэнлон выделяет в акте осуждения два элемента: 1) суждение о том, что агент заслуживает осуждения и 2) собственно осуждение, т.е. изменение отношений с агентом. Выделение этих элементов существенно, поскольку возможна ситуация, когда первый из них присутствует, а второй нет, т.е. когда мы выносим суждение, что кто-то заслуживает осуждения, но при этом в силу каких-то обстоятельств фактически не осуждаем его. Чтобы понять, что Скэнлон имеет в виду, нам понадобится рассмотреть указанные элементы акта осуждения подробнее.

(1) В предыдущем разделе при обсуждении условий МО речь шла именно об условиях уместности суждения о том, что агент заслуживает осуждения. Это суждение о том, что действие агента отражает некоторые предосудительные нормативные установки, так что агент заслуживает того, чтобы окружающие изменили свое отношение к нему. Важными чертами здесь является: а) то, что мы можем назвать пропозициональностью, и б) то, что сам Скэнлон называет «безличностью» (*impersonality*). (а) Говоря о пропозициональности, мы имеем в виду, что этот элемент является не более чем суждением, т.е. указанием на некоторое нормативное убеждение агента – убеждение о том, что кто-то заслуживает осуждения. Его следует отличать от каких-либо *действий* или иного рода *реакций*, которые могут быть приняты на его основе. (б) Безличность же подразумевает, что неважно, кто выносит такое суждение; поскольку речь в нем идет, с точки зрения Скэнлона, о некотором объективном факте (что нормативные установки агента являются предосудительными), то, если абстрагироваться от трудностей с эпистемическим доступом, любой агент должен вынести одинаковое суждение такого типа в каждом конкретном случае.

(2) Собственно осуждение, как уже упоминалось в разделе 2, представляет собой изменение наших отношений с агентом, которое мы осуществляем, руководствуясь элементом (1) – суждением о том, что агент этого заслуживает. Элемент (2) противоположен по своим свойствам элементу (1). Осуждение (а) непропозиционально, т.е. не является некоторым суждением, убеждением или ментальным содержанием – оно есть непосредственно изменение наших установок в отношении осуждаемого: не мысль, а реакция, следующая за мыслью. (б) Оно по своей природе является личностным (*personal*), что подразумевает, что его уместность или неуместность зависит от тех личных отношений (*personal relationship*), в которых осуждающий состоит с осуждаемым и, таким образом, варьируется от одного агента к дру-

гому. Чтобы пояснить эту мысль, нам придется для начала чуть подробнее остановиться на понятии взаимоотношений между агентами.

В первом приближении можно сказать, что речь идет о всем том многообразии различных отношений, в которых люди могут состоять друг с другом. Это может быть дружба, родственные отношения, отношения, в которых состоят участники какого-нибудь общества, имеющие общее дело, общие идеалы и ценности и т.д.²⁰. Формально в представлении Скэнлона у такого рода отношений есть два элемента: 1) имплицитные *нормативные стандарты* этого отношения (определенный уровень симпатии друг к другу, готовности помочь, радоваться успехам и т.п., который обычно ожидается от находящихся в таком отношении) и 2) *актуальные установки*, которые имеют состоящие в этом отношении люди (фактический уровень симпатии, готовности помочь и т.д.)²¹. Как правило, актуальные установки достаточно точно соответствуют нормативным стандартам: мы в целом настолько готовы помочь (а значит, актуально помогаем, если обстоятельства того требуют) нашим друзьям, насколько, как считается, этого требуют отношения дружбы. Отклонение же установок от этих стандартов является их нарушением и становится основанием для пересмотра этих отношений со стороны тех, в ущерб кому они были нарушены: мы иначе смотрим на друзей, которые нас подвели, наше дружеское расположение к ним может ослабевать, и в перспективе при многократном нарушении таких стандартов (или при однократном, но очень серьезном) мы можем разорвать дружеские отношения вовсе. Все это многообразие пересмотров отношений на основании нарушения их стандартов и является, по Скэнлону, осуждением.

Важно подчеркнуть, что различные отношения, в которых мы можем состоять, имеют различные нормативные стандарты – так что в зависимости от наших взаимоотношений с тем или иным человеком, за одно и то же действие один (например, наш друг) будет заслуживать осуждения, а другой (обычный знакомый или вообще незнакомый) – нет. Мы можем ожидать от друга поддержки в особо сложную для нас минуту или помощи при переезде, если у него выходной и нет особо важных планов на этот день. И наше осуждение будет вполне уместным, если вместо помощи он решит посмотреть сериал или футбольный матч или поиграть в видеоигры. Однако будет совершенно неуместным гневаться на малознакомого человека или проходящего мимо прохожего за то, что они отказывают нам в такой же помощи или поддержке.

Помимо многочисленных подобных специальных видов отношений, в которых одни люди состоят лишь с некоторыми другими, по Скэнлону, существуют также общие моральные взаимоотношения, в которых состоят друг с другом все люди без исключения. Если осуждать незнакомца за нежелание помочь в переезде будет неуместным, то совершенно уместным будет осуждать его за сознательный вред, нанесенный нам исключительно ради потехи, или за отсутствие элементарной помощи, когда для нас это вопрос жизни и смерти, а ему ничего не стоит нам помочь.

Существование сложной сети различных отношений, в которых люди состоят друг с другом, вносит дополнительное измерение в ситуацию возложения на агента МО за совершенный им поступок. Скэнлон замечает (и его

²⁰ Подробнее об этом см.: Юнусов А.Т. Т.М. Скэнлон, осуждение и универсальное братство // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 109–122.

²¹ Scanlon T.M. Interpreting Blame. P. 87.

замечание кажется достаточно правдоподобным), что иногда, хотя мы знаем, что агент *заслуживает* осуждения, в силу самой специфики тех отношений, в которых мы с ним состоим, осуждать его было бы именно *с нашей* стороны неуместным (хотя было бы вполне уместно, если бы его осуждал кто-то, кто с ним в этих отношениях не состоит). Один из примеров Скэнлона – решительное и приводящее к разрыву отношений осуждение даже за очень тяжелый проступок обычно неуместно со стороны родителей по отношению к их детям в силу самого характера отношений родительства. Другой, более яркий пример: с нашей стороны будет неуместно осуждать вас за проступок, в постоянном совершении которого виновны мы сами: так, было бы лицемерно осуждать вас за то, что вы опоздали на встречу с нами, если мы сами всегда опаздываем на такие встречи. В подобных случаях мы вполне можем понимать, что вы заслуживаете осуждения, т.е. быть способными корректно вынести безличностное суждение о *предосудительности* вашего поступка, но собственно осуждение, т.е. изменение отношений с вами в свете этого суждения, блокируется спецификой и историей наших личных взаимоотношений.

Таким образом, в целом, с точки зрения Скэнлона, осуждение осуществляется в два этапа, и на каждом из них в игру вступают различные релевантные именно для этого этапа факторы. На первом этапе мы выносим безличностное суждение о том, заслуживает ли агент осуждения, т.е. нарушил ли он стандарт некоторых моральных или специальных взаимоотношений; при этом мы опираемся исключительно на нормативные установки агента. Если мы считаем, что он заслуживает осуждения, то в дело включаются дополнительные факторы, которые могут изменить силу и выраженность наших реактивных установок, а в некоторых случаях для конкретных людей делают осуждение и вовсе неуместным. Среди этих факторов, помимо уже перечисленных, встречается также ряд других – в частности, фактор значимости (*significance*) проступка агента, который играет важную роль в объяснении Скэнлоном проблем, связанных с феноменом моральной удачи.

5. Моральная удача

Будучи обстоятельно проработанной, теория осуждения Скэнлона позволяет учесть и объяснить значительное число моральных интуиций, для объяснения которых у других теорий, вероятно, оказывается недостаточно инструментов. Однако, судя по всему, эта теория в ее настоящем виде все же сталкивается с некоторыми трудностями. В рамках данной статьи мы обсудим лишь те из этих трудностей, что связаны со случаями моральной удачи (*moral luck*).

Классические случаи моральной удачи²² – это случаи, в которых наша оценка того, насколько агент заслуживает осуждения, меняется в зависимости от факторов, над которыми он не мог иметь никакого контроля. Представим себе два мира, в которых при в точности одинаковых обстоятельствах в точности подобные друг другу водители садятся пьяными за руль. В первом мире водитель (назовем его С) успешно доезжает до места назначения.

²² Нагель Т. Моральная удача // Логос. 2008. № 1. С. 178.

Второй мир во всем подобен первому, за тем исключением, что в какой-то момент перед машиной водителя (назовем этого второго водителя D) переходит дорогу ребенок, и, будучи пьян, водитель его сбивает. Интуитивно кажется, что водитель D заслуживает намного более серьезного осуждения, чем водитель С. Но по условиям оба водителя были одинаково пьяны и приняли одинаковое решение сесть за руль, и, если бы перед С переходил бы дорогу такой же ребенок, то он бы тоже не справился с управлением и его сбил – так что единственная разница между С и D – в том, что D не повезло столкнуться по дороге с ребенком. Но будет ли на том или ином перекрестке ребенок – фактор, находящийся вне контроля водителя. Значит, если мы готовы осуждать D сильнее, чем С, то мы готовы осуждать агента за что-то, что принципиально находится вне его контроля. А это кажется глубоко несправедливым.

Скэнлон считает одним из преимуществ своей теории как раз тот факт, что она справляется с объяснением многих важных философских головоломок, связанных с феноменом МО²³. Среди этих успешно решенных его теорией головоломок, по его мнению, фигурирует и проблема моральной удачи. Скэнлон полагает, что мы должны сказать о случаях моральной удачи, подобных случаю двух водителей, следующее.

Прежде всего, поскольку, по условию, единственное различие между водителями С и D заключается во внешнем по отношению к ним факторе, у них одинаковые нормативные установки – а значит, на уровне безличностного суждения о заслуженности осуждения между ними действительно нет разницы. Иными словами, они в одинаковой степени *заслуживают осуждения*. В конце концов, и тот и другой сели за руль пьяными, и первый никого не сбил только потому, что ему повезло. Скэнлон, однако, полагает, что мы можем объяснить интуитивно ощущаемую нами разницу в степени уместного осуждения водителей, апеллируя ко второму уровню его теории, – к тем дополнительным факторам, которые модифицируют наше осуждение в случаях, когда мы считаем, что кто-то его заслуживает. Фактором, который релевантен в данном случае, является различие в значимости (*significance*), которую проступок агента имеет для других людей. В конечном счете Скэнлон объясняет разность в степени осуждения в случаях моральной удачи *серьезностью вреда*, который агенты причинили своими действиями, связывая эту серьезность со *значимостью* проступка в свете отношений между агентами. Неосторожное вождение, которое привело к гибели ребенка, является более значимым для окружающих и в особенности для близких этого ребенка и в большей степени изменяет взаимоотношения между ними и водителем.

На первый взгляд, утверждения Скэнлона разумны и правдоподобны. Тяжесть нанесенного вреда действительно интуитивно является чем-то, что является значимым для того, как мы относимся к тем, кто нам этот вред нанес. Но если мы присмотримся внимательнее, то мы поймем, что по своему устройству описываемая Скэнлоном ситуация является довольно странной. В ней нет разницы в заслуженности осуждения, но есть разница в осуждении. Иначе говоря, кажется, что Скэнлон утверждает, что в некоторых случаях уместно осуждать кого-то сильнее, хотя он не заслуживает того, чтобы его осуждали сильнее. Но как он мог бы объяснить, почему это могло бы быть уместным?

²³ Scanlon T.M. Interpreting Blame. P. 84.

Некоторые замечания Скэнлона указывают на то, что возможным решением здесь было бы указание на то, что, хотя всякое осуждение представляет собой изменение отношений с человеком, не всякое изменение отношений с человеком представляет собой осуждение. Так, прежде чем перейти к случаям водителей С и D, Скэнлон обсуждает случай водителя А, который также насмерть сбивает ребенка, но, в отличие от С и D, это происходит не по его вине (он не был пьян и вел машину максимально ответственно), а в результате трагического стечения обстоятельств. Скэнлон замечает, что, поскольку в случившемся нет вины А, со стороны родителей сбитого ребенка не было бы уместным его осуждать; с их стороны, однако, будет вполне уместным некоторое изменение отношения к нему. Тот факт, что А сбил их ребенка «меняет то, каково будет родителям стоять рядом с А на автобусной остановке, здороваться с ним утром или полагаться на него, как на члена группы бебиситтеров по соседству, в заботе о своих выживших детях»²⁴. Таким образом, Скэнлон указывает на существование негативных реакций, которые, с одной стороны, отличны от осуждения, поскольку их объект не совершил ничего дурного, а с другой стороны, уместны, поскольку осуждать испытывающих их было бы чем-то неправильным: требовать от родителей сбитого ребенка относиться к А как ни в чем не бывало, значило бы требовать от них слишком много. Эти негативные реакции обычно менее серьезные, чем осуждение, и Скэнлон называет их «подобными осуждению»²⁵.

Можно было бы предположить, что Скэнлон использует этот тип реакций для объяснения разницы в том, как мы считаем уместным относиться к С по сравнению с D. Это объяснение в таком случае выглядело бы следующим образом: С и D *заслуживают осуждения* в одинаковой степени, и степень уместного *осуждения* в обоих случаях также одинакова. Однако, два случая отличаются в том, что касается уместности негативных реакций, *подобных осуждению*, но не являющихся им: в силу большей серьезности вреда, нанесенного D, в его отношении уместны более серьезные реакции, *подобные осуждению*. Случай А дает нам независимые основания постулировать существование *подобных реакций*. Тот факт, что они *подобны осуждению*, позволяет объяснить, почему нам кажется, что между случаями С и D есть разница в степени уместного осуждения: мы естественным образом путаем осуждение с чем-то очень на него похожим. Тот факт, что разница в реакциях не является в действительности разницей в осуждении, позволяет избежать проблематичного утверждения, что людей, заслуживающих осуждения в равной степени, уместно будет осуждать в различной степени. Дополнительным плюсом оказывается то, что нам удается, апеллируя к одному и тому же феномену, единообразно объяснить два разных проблематичных случая – собственно, негативные реакции в случае А и разницу в негативных реакциях между случаями С и D.

Некоторые философы используют похожие объяснения в аналогичных случаях. Так, Талберт рассматривает почти в точности такой ход мысли в качестве одного из способов решения проблемы моральной удачи²⁶, а Дерек Парфит, обсуждая эту проблему, предлагает похожее решение для случаев

²⁴ Ibid. P. 148.

²⁵ Ibid. P. 125; 147–148.

²⁶ Talbert M. The Attributionist Approach to Moral Luck // Midwest Studies in Philosophy. 2019. Vol. 43. No. 1. P. 33–34.

негативных реакций агентов, направленных на самих себя: правдоподобно, что как С, так и D должны ощущать раскаяние (*remorse*) в том, что сели за руль пьяными, но распространенное представление о том, что D должен ощущать большее раскаяние, может на самом деле объясняться тем, что D в действительности должен ощущать отличное от раскаяния, но похожее на него «сожаление деятеля» (*agent-regret*) – эмоцию, которая уместна для водителя А, сбившего ребенка без своей вины²⁷.

У этого решения, однако, будут и свои проблемы. Во-первых, столь тонкое различие между осуждением и реакцией, лишь подобной осуждению, может показаться неправдоподобным: его трудно уловить интроспективно, и поэтому оно больше похоже на теоретический конструкт, привлекаемый *ad hoc*, чтобы залатать дыру в теории. Во-вторых, даже если мы примем это различие, не факт, что оно способно помочь нам в удовлетворительном решении проблемы моральной удачи. Решение, основанное на этом различии, предполагает, что в отношении в равной степени заслуживающих осуждения людей будет уместна равная степень осуждения, но разная степень негативных реакций в целом. Но не является ли такое различие только словесным? Если несправедливо по-разному осуждать заслуживающих осуждения в равной степени, то почему в их отношении будут справедливы разные по серьезности негативные реакции, отличные от осуждения? Не все ли таким агентам равно, будем ли мы называть осуждением или лишь чем-то подобным осуждению такие реакции, если они для них вредны и неприятны?

Альтернативой решениям подобного типа для Скэнлона были бы решения, которые можно обозначить как ревизионистские. Ядром таких решений будет тезис, что наши интуиции о том, что в отношении водителей С и D будут уместны реакции различной степени серьезности, неверны. Поскольку они заслуживают осуждения в равной степени, то и уместным в их отношении будет одинаковое осуждение. Нам лишь кажется, что степень их вины различна, и что D было бы уместно осуждать более сурово; на самом деле, либо D следует осуждать не суровее, чем мы интуитивно склонны осуждать С, либо С следует осуждать столь же сурово, сколь мы интуитивно склонны осуждать D, либо, наконец, нам следует скорректировать интуитивно кажущуюся нам уместной степень осуждения в обоих случаях и, например, осуждать С более сильно, а D – более слабо, чем мы фактически склонны. На подобную интерпретацию взгляда Скэнлона также обратил внимание Талберт: небрежность неудачливого водителя в связи с гибелью ребенка более заметна и лучше мотивирует близких ребенка осуждать неудачливого водителя сильнее, чем удачливого. На самом же деле уместна одна и та же степень осуждения: в случае удачливого водителя наша реакция обычно слишком слабая, в случае неудачливого может быть чрезмерной²⁸.

Можно спорить о соотносительных преимуществах и недостатках решений, основанных: а) на апелляции к «подобным осуждению» реакциям и б) ревизионистских решениях; однако, дело в том, что сам Скэнлон, судя по всему, не принимает ни те, ни другие. Обсуждая разницу случаев С и D, Скэнлон говорит о разнице именно в осуждении, а не в чем-то похожем на него, и подчеркивает отличие D от А, а не их сходство²⁹. И ничто в его

²⁷ Parfit D. On What Matters. Vol. 1. Oxford, 2011. P. 461.

²⁸ Talbert M. The Attributionist Approach to Moral Luck. P. 33–34.

²⁹ Scanlon T. Moral Dimensions. P. 150.

словах не подразумевает, что люди, осуждающие С и D различным образом, ошибаются; напротив, все его обсуждение проблемы моральной удачи построено так, чтобы оправдать не только фактическую, но и нормативную разницу в осуждении в этих двух случаях. Впрочем, свидетельства текстов Скэнлона на этот счет можно интерпретировать двояко, и поэтому куда важнее, что Скэнлон сам подтверждает в нашей с ним личной переписке, что он не придерживается ни одной из этих позиций.

При этом нельзя сказать, чтобы Скэнлон предлагал какую-то другую позицию. Во всех своих текстах он ограничивается утверждениями о том, что тяжесть последствий и значимость проступков осуждаемых агентов для осуждающих могут оказывать влияние на серьезность уместного осуждения и служить объяснением того, как этот тезис встраивается в его общую теорию осуждения. Но это означает, что он фактически просто постулирует, что агента может быть уместно осуждать более, чем он того заслуживает. А это явно не может быть решением проблемы моральной удачи – на что Скэнлон претендует.

В свете того факта, что Скэнлон всегда пытается вписать случаи моральной удачи в общую рамку своей теории, можно предположить, что он считает, что его решение этих случаев должно быть понятным на фоне других случаев, объяснение которых он дает с помощью разработанного им инструментария. Действительно, тезис о том, что заслуженность осуждения является чем-то отдельным от осуждения (хотя мы можем считать, что агент заслуживает одной степени осуждения, дополнительные обстоятельства вроде наших с ним отношений или нашего права осуждать, могут не позволить нам осуждать агента в той мере, в какой, как мы сами считаем, он того заслуживает) является одним из центральных элементов теории осуждения Скэнлона. Возможно, случай тяжести нанесенного вреда и его значимости для нарушенных проступком отношений – просто еще один пример работы этого правила среди прочих, не требующий специального обоснования в свете того, насколько естественно и правдоподобно работает это правило в ранее уже подробно рассмотренных случаях.

Очень похоже, что позиция самого Скэнлона именно такова. Но едва ли ее можно считать удовлетворительной. У случая изменения степени осуждения в силу тяжести негативных последствий есть по крайней мере две черты, серьезно отличающие его от прочих случаев, разбираемых Скэнлоном. Во-первых, во всех прочих случаях мы осуждаем агента *слабее*, чем он того заслуживает, тогда как в случае вроде случая водителей С и D у Скэнлона D оказывается уместно осуждать *сильнее*, чем он того заслуживает. Чрезмерное осуждение кажется значительно более морально проблематичным, чем недостаточное. Во-вторых – что важнее – во всех прочих случаях разница между тем, насколько сильного осуждения агент заслуживает, и тем, насколько сильно его было бы уместно осуждать в конкретном случае, была обусловлена специфической позицией, в которой осуждающий находится по отношению к осуждаемому: отношениями, в которых они состоят, правом осуждать и т.д. В таких условиях разница между суждением о заслуженности осуждения и собственно осуждением была понятна и правдоподобна: мы могли думать, что, хотя, допустим, наш друг заслуживает осуждения, и со стороны других людей было бы уместным его осуждать, лично мы его осуждать не можем. Но в случае изменения степени осуждения в силу тяжести негативных последствий все совсем не так. Здесь изменение осуждения не связа-

но со специфической позицией, в которой осуждающий находится по отношению к осуждаемому: в случаях моральной удачи обычно считается, что мы не делаем различия между людьми, у которых есть особенное право осуждать D сильнее, и людьми, у которых такого права нет. Большинство из нас исходит из того, что мы *все* должны осуждать D больше, чем С, и Скэнлон, чтобы неревизионистски решить проблему случаев моральной удачи, должен, видимо, оправдать именно эту интуицию³⁰. Речь тогда более не идет о том, что, хотя в *общем случае* справедливо осуждать кого-то одним образом, в некотором *специальном случае* это оказывается несправедливым; речь теперь идет о том, что, хотя в *общем случае* справедливо осуждать кого-то одним образом, в *общем же случае также* справедливо осуждать его другим образом. Вторая позиция, в отличие от первой, просто противоречива.

Таким образом, вполне вероятно, что теория осуждения Скэнлона в том виде, в каком она отстаивается самим Скэнлоном, не может претендовать на то, что она решает проблему моральной удачи. В связи с этим кажутся релевантными три заключительных замечания.

Во-первых, кажется, что трудности, вскрывающиеся в теории Скэнлона при обсуждении проблемы моральной удачи, симптоматически указывают на более глубокое напряжение внутри этой теории. С одной стороны, в центре теории Скэнлона лежит сильная атрибутивистская интуиция, выражающаяся в желании свести условия ответственности агента к одному источнику – его нормативным установкам. Скэнлон прямо говорит, что «нормативные установки – единственное, за что человек ответственен в наиболее фундаментальном смысле»³¹. С другой стороны, Скэнлон пытается учесть и отразить в своей теории ряд других факторов, оказывающих влияние на уместность осуждения (и в силу этого Скэнлона не кажется уместным классифицировать как чистого атрибутивиста, по крайней мере, до тех пор пока речь идет о его теории осуждения, а не заслуженности осуждения). Пока эти факторы работают на другом уровне теории, создавая случаи исключения, в которых неуместно осуждать того, кто в целом заслуживает осуждения, Скэнлону удается правдоподобно совместить две указанные интуиции. Но при объяснении моральной удачи один уровень теории Скэнлона перехлестывает в другой, так что его утверждение о том, что агент ответственен только за свои нормативные установки, оказывается несовместимым с его утверждением о том, что водителя D уместно сильнее осуждать за что-то, что не является отражением его нормативных установок.

Во-вторых, все сказанное верно именно относительно того объяснения, которое дает случаям моральной удачи в рамках своей теории сам Скэнлон. Однако, как мы видели выше, внутри этой теории им можно дать другие объяснения – как минимум ревизионистские или основанные на «подобных

³⁰ Стоит признать, что Скэнлон обычно пишет о том, что ущерб, причиненный проступком D, делает уместным более серьезное осуждение со стороны «тех, кто был им затронут», что кажется контринтуитивным. Если под этим подразумевается узкий круг лиц – например, родители и родственники ребенка – то едва ли это решает проблему моральной удачи: ее загадка в том, почему нам кажется, что *кто угодно* (в том числе мы сами) мог бы сильнее осуждать D. Однако, следует в то же время помнить, что под более серьезным осуждением Скэнлон имеет в виду реакции вроде отказа в доверии или от готовности дружить с осуждаемым и помогать ему.

³¹ Скэнлон Т.М. *Формы и условия ответственности*. С. 108.

осуждению» реакциях; возможно, также и какие-то еще. Оценка соотносительной удачности этих решений выходит за пределы целей данной статьи.

В-третьих, даже если ни одно из этих решений не будет удачным, и теории скэнлонианского типа окажутся не способны в полной мере справиться с проблемами, возникающими в связи со случаями моральной удачи, не факт, что это является сильным аргументом против них в рамках современных дискуссий о МО. Это было бы таким аргументом, если бы в нашем распоряжении были конкурирующие неревизионистские теории, способные справиться с проблемами моральной удачи значительно лучше. Но, по крайней мере, сегодня все доступные нам теории справляются с ними, на наш взгляд, одинаково плохо.

Список литературы

- Беседин А.П.* Натуралистический аргумент П. Стросона в пользу моральной ответственности // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2015. № 6. С. 8–16.
- Логинов Е.В.* Стросон, ответственность и эмоции // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 3. С. 38–46.
- Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т.* Прологомены к моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 3–100.
- Нагель Т.* Моральная удача / Пер. с англ. А.З. Черняка // Логос. 2008. № 1. С. 174–187.
- Скэнлон Т.М.* Основания для поступков никогда не зависят от наших желаний / Пер. с англ. А.Т. Юнусова // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 241–255.
- Скэнлон Т.М.* Формы и условия ответственности / Пер. с англ. М.В. Гаврилова, А.Т. Юнусова // Философия и общество. 2022. № 4. С. 94–128.
- Стросон П.* Свобода и обида / Пер. с англ. Е.В. Логинова // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 204–221.
- Юнусов А.Т.* Т.М. Скэнлон, осуждение и универсальное братство // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 109–122.
- Parfit D.* On What Matters. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2011. 592 p.
- Scanlon T.M.* Interpreting Blame // Blame: Its Nature and Norms / Ed. by J. Coates and N. Tognazzini. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 84–99.
- Scanlon T.M.* Learning from Psychopaths // Oxford Studies in Agency and Responsibility. Vol. 5 / Ed. by D. Coates, N. Tognazzini. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 127–145.
- Scanlon T.M.* Moral Dimensions: Permissibility, Meaning, Blame. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2008. 247 p.
- Smith A.M.* Blame and Holding Responsible // The Oxford Handbook of Moral Responsibility / Ed. by D. Pereboom, D. Nelkin. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 269–286.
- Talbert M.* Attributionist Theories of Moral Responsibility // The Oxford Handbook of Moral Responsibility / Ed. by D. Pereboom, D. Nelkin. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 53–70.
- Talbert M.* The Attributionist Approach to Moral Luck // Midwest Studies in Philosophy. 2019. Vol. 43. No. 1. P. 24–41.

T.M. Scanlon's account of responsibility and the problem of moral luck*

Maksim V. Gavrilov

Lomonosov Moscow State University. GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University). 8/2 Trubetskaya Str., Moscow, 19991, Russian Federation; e-mail: mrcapy@yandex.ru

Artem T. Iunusov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation. Lomonosov Moscow State University. GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: forty-two@mail.ru

Thomas M. Scanlon is one of the most prominent modern moral philosophers, and his theory of moral responsibility is one of the most influential theories of this kind in modern ethics. In the present article we set out the main features of this theory and then deal in detail with one of the problems this theory faces, the moral luck cases. Despite several plausible approaches to this problem being available within the framework of theories of broadly Scanlonian type, Scanlon himself seems to choose none of them. So, in spite of his own claims, his theory (at least in its form that he himself defends) seems to fail to solve this problem. However, this could arguably not be counted as a decisive argument against this theory, given that all the other modern non-revisionary theories of moral responsibility fare no better in dealing with this problem.

Keywords: T.M. Scanlon, ethics, moral responsibility, blame, moral luck, normative attitudes

For citation: Iunusov, A. T., Gavrilov, M. V. "Teoriya otvetstvennosti T.M. Skenlona i problema moral'noi udachi" [T.M. Scanlon's account of responsibility and the problem of moral luck], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 3, pp. 178–194. (In Russian)

References

- Besedin, A.P. "Naturalisticheskii argument P. Strosona v pol'zu moral'noi otvetstvennosti" [Peter Strawson's Naturalistic Argument for Moral Responsibility], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 7: Filosofiya*, 2015, No. 6, pp. 8–16. (In Russian)
- Iunusov, A.T. "T.M. Scanlon, osuzhdenie i universal'noe bratstvo" [T.M. Scanlon, Blame and Universal Siblinghood], *Date Palm Compote*, 2020, No. 15, pp. 109–122. (In Russian)
- Loginov, E.V. "Strosion, otvetstvennost' i emocii" [Strawson, Responsibility and Emotions], *Vestnik RGGU, Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie*, 2021, No. 3, pp. 38–46. (In Russian)
- Loginov, E.V., Gavrilov, M.V., Mertsalov, A.V. & Iunusov, A.T. "Prolegomeny k Moral'noj Otvetstvennosti" [Prolegomena to Moral Responsibility], *Date Palm Compote*, 2020, No.15, pp. 3–100. (In Russian)
- Nagel, T. "Moral'naya udacha" [Moral luck], trans. by A.Z. Chernyak, *Logos*, 2008, No. 1, pp. 174–187.
- Parfit, D. *On What Matters*, Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2011. 592 pp.
- Scanlon, T.M. "Formy i usloviya otvetstvennosti" [Forms and Conditions of Responsibility], trans. by M.V. Gavrilov and A.T. Iunusov, *Philosophy and society*, 2022, No. 4, pp. 94–128.

* The research is supported by Russian Science Foundation, project No. 21-78-10044, "The phenomenon of moral responsibility", <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>.

- Scanlon, T.M. "Interpreting Blame", *Blame: Its Nature and Norms*, ed. by J. Coates and N. Tognazzini. Oxford: Oxford University Press, 2013, pp. 84–99.
- Scanlon, T.M. "Learning from Psychopaths", *Oxford Studies in Agency and Responsibility*, Vol. 5, ed. by D. Coates, N. Tognazzini. Oxford: Oxford University Press, 2019, pp. 127–145.
- Scanlon, T.M. "Osnovaniya Dlja Postupkov Nikogda ne Zavisjat ot Nashih Zhelaniy" [Reasons for Actions Never Depend on One's Desires], trans. by A.T. Iunusov, *Date Palm Compote*, 2020, No. 15, pp. 241–255. (In Russian)
- Scanlon, T.M. *Moral Dimensions: Permissibility, Meaning, Blame*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008. 247 pp.
- Smith, A.M. "Blame and Holding Responsible", *The Oxford Handbook of Moral Responsibility*, ed. by D. Pereboom, D. Nelkin. Oxford: Oxford University Press, 2022, pp. 269–286.
- Strawson, P.F. "Svoboda i obida" [Freedom and Resentment], trans. by E.V. Loginov, *Date Palm Compote*, 2020, No. 15, pp. 204–221. (In Russian)
- Talbert, M. "Attributionist Theories of Moral Responsibility", *The Oxford Handbook of Moral Responsibility*, ed. by D. Pereboom, D. Nelkin. Oxford: Oxford University Press, 2022, pp. 53–70.
- Talbert, M. "The Attributionist Approach to Moral Luck", *Midwest Studies in Philosophy*, 2019, Vol. 43, No. 1, pp. 24–41.